

Людмила Богданова

ВЛАДИМИР

В РЕЖИССУРЕ
В ЖИЗНИ
И ЛЮБВИ

БАСОВ

биография исключительного человека

Людмила Богданова

**Владимир Басов. В
режиссуре, в жизни и любви**

«Центрполиграф»

2014

Богданова Л.

Владимир Басов. В режиссуре, в жизни и любви / Л. Богданова — «Центрполиграф», 2014

Владимир Басов был уникальной личностью. В нем была и особость, выделявшая его из круга современников и коллег, и в нем всегда было заметным проявление черт, вообще свойственных людям, отмеченным недюжинным дарованием в творчестве и талантом человеческого «я». И, конечно, говоря о Владимире Басове, умолчать о главных историях любви в его жизни, их роли в его судьбе просто невозможно. Любовь была катализатором его творчества, поиски любви – в жизни и на экране – смыслом творчества и потребностью, равной естественному желанию дышать. И поэтому каждая из женщин, которых он любил и которых выбирал в жены, – одна из тем этой книги.

Содержание

Предисловие от автора	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Людмила Богданова Владимир Басов. В режиссуре, в жизни и любви

Меня как-то спросили – ваш самый счастливый день в году? Вопрос, конечно, необязательный. Про себя я ответил, что не было у меня ни самых счастливых, ни самых несчастливых дней. Я подумал: если наступит день полного счастья, значит – рядом духовная смерть. Это не парадокс и не фраза. Может быть, на самой крайней точке падения больше счастья потому, что отсюда ведь начинается восхождение.
Владимир Басов

Предисловие от автора

Выражаю огромную благодарность и искреннюю признательность за помощь в создании этой книги:

Валентине Титовой Александру Басову Владимиру Наумову Илье и Елене Миньковецким Джанет Тамбиевой Наталье Величко Нине Агаповой Татьяне Коноховой

Особая благодарность Татьяне Сирош, Наталье Шанченко Людмиле Соколовой

Не стоит искать в этой книге ответов на все вопросы, которые возникают, когда речь заходит о Владимире Павловиче Басове. И я ни в коем случае не претендую на то, чтобы охватить все события в его жизни – личной и творческой. Эта книга – всего лишь попытка обобщения в первом приближении. Тем более приблизительном, что далеко не все, кто мог бы рассказать что-нибудь важное о Владимире Басове – режиссере и актере, муже и отце, согласились сделать это или нашли время, чтобы встретиться с автором. Поэтому в книге «Почти киноман» есть главы, напоминающие серии и отдельные эпизоды с репликами и монологами.

Написать книгу о Владимире Басове – это обьять необъятное. Он был уникальной личностью, с одной стороны, и типичным гением – с другой. В нем была и особость, выделявшая его из круга современников и коллег, и в нем всегда было заметным проявление черт, вообще свойственных людям, отмеченным недюжинным дарованием в творчестве и талантом человеческого «я». И конечно, говоря о Владимире Басове, умолчать о главных историях любви в его жизни, их роли в его судьбе просто невозможно. Любовь была катализатором его творчества, поиски любви – в жизни и на экране – смыслом творчества и потребностью, равной естественному желанию дышать. И поэтому каждая из женщин, которых он любил и которых выбирал в жены, – тоже предмет нашего разговора. Точнее – киномана, киносценария, где автор оставляет за собой право скомпоновать события так, как велит творческая фантазия, и оставить многие факты без комментариев.

Глава 1

Происхождение и становление

Кинорежиссер и актер Владимир Басов в кругу друзей считался неисправимым выдумщиком и блестящим рассказчиком, и поэтому многие из его «сюжетов» казались проектами будущих фильмов или ненаписанными сценариями. Но в реальности жизнь семьи Басовых – по крайней мере на уровне родовых колен «отец—дед» – была не менее удивительна и полна романтических историй и ситуаций. Ее сюжет настолько кинематографичен, что кажется странным и невероятным тот факт, что биография родителей известного советского кинорежиссера и его собственная судьба до сих пор не стали основой для какого-либо героико-приключенческого фильма.

А началось все в городе Саратове, точнее, в той его заволжской части, что с конца XVIII века именовалась Покровской слободой. Поселение, основанное близ озера Эльтон – «всероссийской солонки», заселялось чумаками – приезжими украинцами, чьей профессией издревле был солевой извоз. А название саратовскому солевому городку дали по имени первой построенной здесь церкви, освященной во имя Покрова Божией Матери – Пресвятой Богородицы.

Соль – «белое золото» Покровской слободы – вывозилась в 13 российских губерний, превратив Покровскую слободу в главный склад и пункт торговли солью. А обилие плодородных земель в пойме Волги привлекло в эти места переселенцев со всей России и особенно – из немецких колоний, возникавших в Поволжье с 1763 года, когда Екатерина II пригласила иностранцев осваивать нуждавшиеся в рабочих руках окраины Российской империи. Наверное, именно поэтому среди других названий Покровской слободы (Покровский городок, Покровка, а с 1914 года – безуездный город Покровск) есть и типичное по тем временам словообразование «Казакштадт».

Покровск (сегодня – город Энгельс) – родина известного советского писателя Льва Кассиля, который много и с удовольствием описывал в своих произведениях город своей юности: «Город Покровск раньше был слободой. Слобода была богатая. На всю Россию торговала хлебом. На берегу Волги стояли громадные, пятиэтажные деревянные, с теремками амбары. Миллионы пудов зерна хранились в этом амбарном городке. Тучи голубей закрывали солнце. Зерно грузили на баржи. Маленькие буксирные пароходы выводили громадные баржи из бухты. Жили в слободе украинские хлеботорговцы, богатые хуторяне, немцы-колонисты, лодочники, грузчики, рабочие лесопилок, костемольного завода и немного русских крестьян. Летом катились до синевы под степным солнцем, гоняли верблюдов. Ездили на займище, дрались на берегу. Гонялись на лодках с саратовцами. Зимой пили. Справляли свадьбы, танцуя на Брешке. Лутили подсолнухи. Зажиточные хуторяне собирались в волостном правлении «на сходку». И если поднимался вопрос о постройке новой школы, о замощении улиц и т. д., горланили обычную «резолуцию»: «Нэ треба!» – болота и грязь затопляли слободские улицы».

Среди главных достопримечательностей Покровска базарная площадь и небольшой бульвар в центре города, прозванный в народе Брехаловка, или упрощенно Брешка. Вот как описывал эти места Лев Кассиль в своей знаменитой повести «Конduit и Швамбрания»: «В открытые окна рвалась булга¹ торговки. Пряная ветошь базара громоздилась на площади. Хрумкая жвачка сотрясала торбы распряженных лошадей... Вozy молитвенно простирали к небу оглобли. Снедь, рухлядь, бакалея, зелень, галантерея, рукоделие, обжорка... Тонкоко-рые арбузы лежали в пирамидках, как ядра на бастионах в картине «Севастопольская оборона». (Картина шла за углом в кинематографическом электротееатре «Эльдорадо». Кинемато-

---

¹ Булга – беспокойство, волнение, суета.

граф всегда окружали козы. У афиш, расклеенных на мучном клейстере, всегда паслись целые стада.) От «Эльдорадо»... шла так называемая Брешка, или Брехаловка. Вечерами на Брехаловке происходило гулянье. Вся Брешка – два квартала. Гуляющие часами толкались туда и назад, от угла до угла, как волночки в ванне от борта до борта. Девчата с хуторов двигались посередине. Они плыли медленно, колыхаясь. Так плывут арбузные корки у волжских пристаней. Сплошной треск разгрызаемых каленых семечек стелился над толпой. Вся Брешка была черна от шелухи подсолнухов. Семечки называли у нас «покровский разговор».

Особой романтикой были овеваны для пылкого воображения юного покровчанина и будущего писателя волжские ночи, из глубины которых будто нити тянулись гудки волжских пароходов – «одни тонюсенькие и дрожащие, как волосок в электролампочке, другие толстые и тугие, словно басовая струна в рояле».

Именно в одну из таких теплых, звездных и влажных ночей в начале XX века, тишину которой прерывали только гудки пароходов и собачий лай, произошла история, которая в изложении младшего сына Владимира Басова Александра звучала следующим образом:

«Есть в Саратове один холмик, и с него прекрасно видна Покровская слобода и особо – красивейший дом священника. Однажды в этот дом настойчиво и торопливо постучали. Дверь стучавшему открыла дочь священника, которая увидела запыхавшегося от бега молодого человека в помятом костюме. Незнакомец в изнеможении простонал с легким акцентом: «Спасите, меня хотят убить!»

Спустившийся в горницу по скрипучей деревянной лестнице батюшка благословил поступок дочери, не отказавшей в милосердии подвергавшемуся смертельной опасности человеку, и принял его в своем доме, как самого дорогого гостя. «Будьте спокойны, – сказал протоирей, – здесь вас никто не тронет». И действительно, вряд ли в бурное революционное время, в годы Гражданской войны можно было отыскать более защищенное место, чем дом самого уважаемого в Покровске священника. И поэтому каждый входящий в его дом становился неприкосновенным.

Незнакомцем, принятым в доме протоирея, оказался революционер-большевик Павел Басултайнен. Партийная кличка Басов.

Финн по национальности, философ по образованию (выпускник Тартусского университета), обаятельный человек и пламенный оратор, свято веривший в идеи революционных преобразований в тогдашней России, он произвел неизгладимое впечатление на дочь хозяина гостеприимного дома. Набожная и восприимчивая ко всему необыкновенному, она безнадежно и романтически влюбилась в страстного сторонника грядущих в государстве перемен, претворять которые в жизнь он и отправился однажды ночью, поправив здоровье и пересидев облавы. Верный партиец Басов исчез так же неожиданно, как и появился. Его исчезновение дочь священника переживала глубоко, она искренне страдала, втайне мечтая о возвращении героя своих грез.

И он вернулся! Через год, будучи уже офицером Красной армии, ворвался в Саратов с конницей Чапаева и на главной площади Покровска произнес страстную речь о коммунистах. Приблизительно в следующих словах и выражениях: «Вы спрашиваете меня, кто такие коммунисты? Коммунисты – это те, кто за бедных. Коммунисты – это те, кто отнимут кусок у обожравшихся и отдадут его бедным!» И на фразе «Ведите меня на постой к главному коммунисту этого города!» направился напрямик в знакомый дом – в дом протоирея. И предложил его дочери выйти за него замуж. Батюшка – это мой прадед – их благословил, а баба Шура впоследствии написала о своем отце книгу».

Время, в которое все это происходило, – первые годы советской власти, Гражданская война. Саратов и Покровск исторически оказались рядом с эпицентром «белочешского мятежа», и по городам Поволжья успели пронестись и волна белого террора, и ответный ураган красного. Непрерывная канонада отдаленных боев и столбы пыли, поднимаемой конницей

Чапаева, переходящие из рук в руки города и веси, почти мгновенное расслоение общества на тех, кто за, и тех, кто против, реквизиция и голод, ставший результатом войны, – осиротевшие пашни не приносили прежнего урожая, связь с внешним миром прервалась, внутренняя торговля практически сведена к натуральному обмену.

Покровчане весьма гордились и тем, что события тех лет коснулись их легким крылом, словно ненароком – может быть, сказывалось заволжское положение города и относительно пролетарское происхождение, рядом стоящий Саратов принял на себя больше и революции, и контрреволюции. Многие сознательные и малообеспеченные жители Покровска верой и правдой служили в конном отряде Чапаева – Григория, брата знаменитого красного героя Гражданской войны. И это именно его конница расчищала дорогу основным силам новой, революционной Красной армии на прилежащих к Покровску проселочных дорогах.

Картины этих боев потом с почти документальной достоверностью, но усиленной художественной экспрессией восстановит сын Павла Басова Владимир, ставший кинорежиссером. Эпизоды боя – лобовые столкновения конницы Чапаева и белоказацких отрядов – станут кульминацией в его фильмах «Школа мужества», «Необыкновенное лето». И из прошлого вечно живыми будут нестись на конях в светлое будущее молодые и решительные красные командиры – Гориков, Дибич, Извеков, Басов.

Так и не ставший книжным червем философ превратился в кадрового военного, и был направлен партией на новый участок работы – в Среднюю Азию. И пока красный комиссар Басов продолжал воевать там за установление советской власти, его молодая супруга Александра Ивановна стала книгоношей. Так называли в 20-х годах комсомольцев, выполнявших миссию образования неграмотных, сходную с той, что осуществляли полвека назад революционеры-народники. Книгоноши 20-х годов XX века тоже шли в народ – как и их предшественники, уезжали в отдаленные деревни и учили местных ребятишек и взрослых грамоте и литературе. Это было время всеобуча, и Александра Ивановна переезжала от села к селу, читая на вечерних посиделках людям, не знающим грамоты, книги Пушкина, Толстого, Чехова...

И в одной из таких поездок 28 июля 1923 года в городе Уразове (что на тогдашней Орловщине) у нее родился сын, которого назвали конечно же Владимиром.

Рождение сына несколько не охладило просветительский пыл молодой комсомолки и жены красного командира. Вместе с маленьким Басовым Александра Ивановна продолжала свой путь по городам и весям малограмотной России вместе с такими же энтузиастами образования, как и она. Они проехали практически по всему Поволжью и районам среднерусской полосы. Впоследствии сам Владимир Басов вспоминал, что знакомство с красивейшими местами, описанными классиками русской литературы, для него началось не только с печатного слова, а с картины, увиденной воочию. Бунинские, купринские, толстовские места проходили перед его глазами чередой удивительных впечатлений, навсегда сохранившихся в его памяти. И, находя описания этих мест в рассказах великих писателей, Басов не просто представлял прочитанное – вспоминал живое: Липецк, Воронеж, Курск... Оттуда, из того времени у режиссера Басова любовь к отечественной литературе – к Толстому, которого почитал «за философскую глубину и размах», к Тургеневу, мир героев которого привлекал его своей трепетностью и нравственностью, к Чехову, которого Басов считал самым музыкальным из всех писателей и «Вишневый сад» которого мечтал поставить всю жизнь...

А потом был Турксиб. Павел Басов уже давно был командирован партией на борьбу с басмачами и служил на погранзаставе в Мары, что неподалеку от Кушки, самой южной точки тогдашнего Российского государства. Туда же к мужу, наконец, приехала и Александра Ивановна с сыном Володи.

Дальнейший сюжет их жизни на заставе знаком многим по фильму «Офицеры». Совпадение? Возможно, но, скорее всего, жизнь и судьба Басултайнена-Басова и его семьи была

типичной для многих людей, свято веривших в идеалы революции и защищавших ее завоевания до последней капли крови.

Там были и нелегкие будни погранотряда, и жизнь коммуной всех обитателей заставы – солдат, комсостава и их семей. И пока отец будущего режиссера отражал атаки басмаческих банд на вновь установленные рубежи советской границы, его жена заведовала коммуной для детей военнослужащих. В семь лет Володя пошел в школу, но учеба показалась ему скучной – образование, полученное с голоса матери за время ее подвижнической деятельности книгоношей, было более глубоким и насыщенным.

В семейном архиве Басовых сохранилась гражданская фотография тех лет – обычное постановочное фото на фоне задника-пейзажа: отец в цивильном костюме, с бабочкой и в пенсне, черные волосы на пробор, сосредоточенный, целеустремленный взгляд, умное лицо с уже теперь многим знакомыми наследственными приметами – крупный, с горбинкой нос и большие уши. Мама – среднего роста, с теплыми, чуть грустными большими глазами, в ее полуулыбке – спокойствие мудрости и гармония женского счастья, на голове модная в те годы шляпка и на платье отложной, кружевной воротничок, она стоит за отцом, правой рукой поддерживая маленького Володю. Басов-сын сидит на большом пеньке – здесь ему не больше четырех, очаровательный, как и все дети, но уже заметно похожий на отца – те же, фамильные, черты лица и выражение глаз. Типичная семья молодых интеллигентов – красивые, дружные.

В 1931 году Павел Басултайнен-Басов героически погиб в бою с басмачами, и осиротевшая семья переехала в город Железнодорожный по Нижегородской дороге, к брату Александры Ивановны.

События тех лет постоянно будоражили воображение уже ставшего кинорежиссером Владимира Басова. Образ отца, благополучного студента-философа, взявшего в руки оружие и отправившегося искать смысл жизни не в книгах великих мыслителей прошлого и в создании собственных научных теорий, а обретать в настоящих, кровавых боях «за правое дело», возникает практически во всех его фильмах. Об этом – «Школа мужества», главный герой которого тоже бросал привычную жизнь и становился борцом за светлое будущее. В своих фильмах Владимир Басов словно бы проживал жизнь отца: картина, поставленная по произведениям Аркадия Гайдара, – это начало его пути в революцию, затем была постановка «Крушение эмирата» – о строительстве Турксиба, о борьбе с басмачами, о небольшом, но смелом летучем красноармейском отряде. Фильм, в котором все образы необыкновенно реалистичны, они словно перенесены из того, памятного Басову по детским воспоминаниям, времени. И вместе с тем это взгляд сына на прошлое его отца, образ которого овеян романтикой «революционных будней».

И наверное, поэтому следом Басов снимает два фильма по дилогии Константина Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето». В этих романах для Басова все пронизано воспоминаниями и ассоциациями: во-первых, место действия – Саратов, Покровская слобода, Поволжье, родина матери и деда, место их встречи с отцом, здесь каждая улочка, каждый дом и в самом Саратове, и в соседнем Энгельсе-Покровске хранят память о том времени, когда Павел Басов постучал в дверь протоирейского дома. Здесь многое изменилось – нет тех церквей, по-иному выглядят улицы, но Басов-сын находит исторически достоверные уголки – в них словно сохранилась атмосфера и дух тех лет. И жите ли города ревностно следят за проведением съемок – современники событий, происходящих в романах Федина, уверены, что даже были знакомы с их героями в реальной жизни. И не оттого, что горожане все сплошь обладали богатым воображением, а потому, что судьбы Извекова, Рагозина, Дибича были типичными для того времени. И вотто рых, главный герой – Извеков: гимназист, романтик, ушедший в революцию. И рядом – лиричная, светлая, домашняя Аночка, любящая его бесконечно и готовая верно ждать его возвращения с поля брани.

Снимая «Первые радости» и «Необыкновенное лето», Владимир Басов-режиссер создал свою «машину времени», которая позволила ему увидеть то, чему свидетелем стать не дове-

лось. Кажется, он снова и снова воссоздавал на экране мир и обстоятельства, предшествующие его рождению, и таким образом пытался понять своих родителей, разгадать природу своего характера.

Об этом и «Дни Турбиных». И поэтому Владимир Басов-актер выбирает с согласия Владимира Басова-режиссера роль Мышлаевского, героя, который делает тот же выбор, что сделал когда-то и его отец. И поэтому Басов с удовольствием играет в «Беге» – примеряет другой вариант судьбы: «крысиную побегу», как назвал это своеобразное продолжение темы «Дней Турбиных» сам Булгаков, или, точнее, «тараканьи бега». Прикоснуться к истории тех лет Владимир Басов еще раз попытается и незадолго до своего ухода – сыграет эпизодическую роль в историческом фильме «Первая конная».

И чем внимательнее изучаешь творчество кинорежиссера Владимира Павловича Басова, тем крепче становится убеждение в том, что всю свою жизнь он выстраивал под своего легендарного отца – рассказывал о его прошлом, фантазировал, кем он мог бы стать, пройдя войну, в мирное время. И всегда, при любом выборе сценария или литературного материала для экранизации, для Басова важен этот бой – между новым и старым, между добром и злом, бой, в котором проверяются на прочность чувства, идеи. И всегда – это история романтически прекрасной любви, когда ни разлуки, ни обстоятельства не могут помешать героям быть верными и счастливыми.

Но до этого все же еще очень далеко – идет 1932 год, и пока начитанного и образованного Володю по результатам экзаменов, миновав первый и второй классы, сразу приняли в третий одной из школ города Железнодорожного. Но вскоре Александре Ивановне вновь изменили предписание – ее назначили секретарем редакции районной газеты в Калининской области, и четвертый класс Володя заканчивал уже в Кашине. А летом, как обычно, отдыхая у тети в Абхазии, в Новом Афоне, так прижился в этом одном из самых благодатных мест курортной зоны под Сухуми, где накрепко подружился с местными ребятами, что уговорил мать оставить его «погостить». И задержался там на целых два учебных года. Седьмой школьный класс Володя заканчивал уже в селе Александрове Горьковской области, где мама снова работала книгоношей. И лишь потом они вместе переехали в Москву, где Володя благополучно закончил среднюю школу, став по прописке и душой москвичом. И незадолго до выпускных экзаменов наведился во ВГИК, хотя там вступительные экзамены должны были состояться только в августе. Говорят, что он даже пытался пройти творческий конкурс, но в тот раз unsuccessfully, а может быть, это только легенда, потому что брать крепости без боя Басову было просто неинтересно.

О кино Басов мечтал с детства. Мальчишкой, смотря фильмы в маленьких кинотеатрах, он был уверен, что кино рождается там – за маленьким окошком в задней стене зала. И поэтому представлял себе, что именно киномеханик – создатель этого волшебного мира. А еще он был потрясюще артистичен, что неожиданно проявилось в самом раннем, нежном возрасте, – двухлетнего кузена двоюродная сестра, студентка-рабфаковка брала с собой на спектакли «Синей блузы», где выступала в агитационных действиях. Однажды для постановки понадобился младенец, который должен был появиться на сцене, как символическое олицетворение мира. Ребенка выносили на руках в финале агитационного представления, и он должен был смотреть в зал открытым просветленным взглядом. Успех первого выступления был так велик, а аплодисменты так искренне оглушительны, что, казалось бы, юному дарованию было обеспечено блестящее артистическое будущее. Но очередная мамина командировка прервала едва начавшуюся театральную карьеру.

Сам Басов вспоминал, что поначалу тяга к лицедейству выражалась в детском мимировании, – он любил корчить рожи перед зеркалом, представляя себя различными героями (исключительно положительными) недавно просмотренного фильма или спектакля, прочитанной книги. Позднее, уже в школе с удовольствием стал декламировать со сцены стихи и в лицах представлять драматические и литературные истории. В пятом классе впервые участво-

вал в постановке пушкинской «Полтавы» силами школьного драмкружка – ему досталась роль Кочубея, к исполнению которой юный Басов подошел весьма серьезно и творчески. Свою роль он старательно репетировал, уходя в лес, где речь, по множенная на эхо, звучала особенно раскатисто и внушительно. Самым удачным казалось начинающему артисту найденное им решение монолога, который произносил его герой в темнице перед казнью. На реплике «С собой возьмите дочь мою!» Басов делал в сторону сосен – то есть зала – замысловатый жест рукой и изображал на лице презрительную саркастическую усмешку. В спектакле жест имел успех, но прямо противоположный – публика смеялась, наверное, уже тогда предчувствуя главные черты артистического дарования исполнителя – яркую характерность и гротесковость.

Последний учебный год перед выпуском из школы Басов провел за кулисами МХАТа, куда приходил после занятий в театральной студии при Московском университете, где преподавали Ливанов, Андровская, Попов. Из осветительской ложи юному театралу позволяли смотреть «Синюю птицу», «Дни Турбиных». А в самой театральной студии Басов успел сыграть Хлестакова в гоголевском «Ревизоре». Эхо мхатовских уроков – поставленный им уже в 70-х годах телевизионный фильм «Дни Турбиных» и первая самостоятельная режиссерская работа – фильм-спектакль (совместно с Мстиславом Корчагиным) по пьесе Тургенева «Нахлебник», в котором все пронизано духом постановок «старого МХАТа» и очевидно влияние старых мастеров, актеров – корифеев прославленной сцены. Успехи юного Басова на театральной сцене не остались незамеченными – талантливого ученика известной студии даже пригласили поступить в труппу Театра Советской армии, но позднее судьба вновь поставила его перед выбором между мирной жизнью и боем, и Басов не смог стоять в стороне от решающих сражений в судьбе своей родины.

Басов хорошо рисовал и увлекался реалистической живописью русских передвижников, глубоко знал творчество французских импрессионистов. Он пробовал писать стихи и много читал наизусть – знал практически все творчество Маяковского. И наверное, сегодня мы бы с уверенностью сказали, что у юноши – все задатки режиссера, а тогда Володя Басов никак не мог выбрать призвание между театром и любимым кино.

Выпускной бал для Басова пришелся на тот памятный и страшный для всей страны день – 22 июня 1941 года. Этот день практически по всей стране проходил для старшеклассников одинаково: торжество выпускного бала, белые платья девчонок, взрослые костюмы мальчишек, теплые напутственные слова старших, на редкость красивые бывшие одноклассники, с удовольствием и надеждой вальсировавшие вместе со своими как-то на глазах посерьезневшими одноклассниками, веселый смех и вполголоса разговоры о будущем – мечты, которым если и суждено было сбыться, то спустя показавшимися бесконечными пять последующих лет.

Помните этот фрагмент в «Добровольцах»? Последний звонок, девушка в белом выпускном платье на Красной площади знакомится с героем-летчиком, все молоды, все полны грандиозных и не очень планов, все думают о завтрашнем дне, как о начале нового этапа в их жизни, и не знают, что этот этап уже начался...

В Москве стоял непривычно жаркий субботний вечер, окна многих домов были распахнуты, через них в опустевшие здания школ влетали обычные шумы городских улиц, наполняя притихшие классы предчувствием какой-то другой, новой жизни. И каждому верилось, что счастливой и долгой. Выпускники стайками разлетелись по городу и встречали рассвет – кто на Москве-реке, кто на Воробьевых горах. Много пели – чудные девичьи голоса и набиравшие мужественности юношеские тенорки и баритоны то солировали, то сливались в унисон, гитары звучали повсюду, на раз-два-три танцевали вальсы, стуча каблучками по булыжной мостовой. И сбегались, останавливаясь в романтическом порыве, смотреть такие далекие зарницы, пылавшие где-то на западе. Далеко-далеко...

Все готовились ко вступлению во взрослую жизнь. Только вместо рабочих спецовок, театральных костюмов и медицинских халатов время выдало всем им одну униформу – защитного

цвета. Вместо пальто и костюмов мальчишки и девчонки надели шинели и вместо институтов и фабрик оказались в окопах и медсанбатах.

На следующий день Владимир Басов, как и многие его одногодки, отстоял очередь в военкомат и записался добровольцем. Он ушел на фронт и прошел всю войну, всю ее страшную школу – воевал под Ельней, командовал артиллерийской батареей, стрелял сам и попадал под огневые налеты с *той* стороны, не понаслышке знал, что такое, когда бомбят твой эшелон. Он служил и в штабе, и воевал на передовой, на самом горячем переднем крае. Составлял оперативные карты, мотаясь и в холод, и в грязь, и в жару по проселкам и бездорожью. Голодал, терял друзей. Знал пот строевой подготовки, мозольные волдыри на ногах от неумения правильно навернуть портянки. Была борьба с самим собой, со своей слабостью и страхом. Была смерть, кровь, госпитальные койки – на войне Басов был серьезно контужен, и последствия этого не раз сказывались уже в мирное время.

Он помнил войну, как в кино, эпизодами. Вот вызывают в штаб дивизии: три километра в одну сторону, столько же – обратно, чтобы снова оказаться в землянке, где смешались люди и нехитрые солдатские пожитки, где горят самодельные светильники из снарядных гильз. Или вот зарисовка: на фронте о противнике говорили «он» – *он* пускал ракеты одну за другой («Вот, гад, светит!»), и они горели, освещая пространство на многие километры настолько, что можно было и читать, и писать. Мертвенно-зеленоватый свет войны. А вот воспоминания о бомбежке эшелона: налетели самолеты, и новички просто посыпались врассыпную из теплушек с при тормозившего состава, засветились на белом снегу, и панику остановил комиссар – казалось, невозмутимо-спокойный, всеведущий, сильный. Он многие жизни спас тогда этим своим жестким «Назад!».

Еще Басов на всю жизнь запомнил очередь на скамейке у пункта связи, и, хотя артиллеристов всегда называли «богами войны», в бою они во многом зависели от точной и своевременно полученной информации, от связистов. Связисты сидели в штабе – молча ждали своей очереди, чтобы идти «на обрыв», и также молча уходили в ад боя, чтобы проползти по проводу связи до поврежденного места и, исправив его, постараться вернуться домой.

Возвращавшийся садился уже с другого края «очереди», и на новое повреждение шел следующий связист. И часто за время затяжного боя Басов видел, как, словно в детской считалке, редела «скамейка» – «из семерых остаются шестеро, пятеро, четверо, трое...». Это была очередь на смерть, но она была на войне законом и строго соблюдалась.

И первая встреча с врагом – не отвлеченным противником на передовой, а глаза в глаза, когда допрашивали немецкого офицера, попавшего в плен вместе со своим денщиком. Басов вспоминал позднее, что ему странно было видеть, как подчиненный продолжал соблюдать субординацию так же строго, ухаживая за своим офицером, как будто бы не было плена и правила войны не изменились совсем...

В двадцать лет Владимир Басов получил медаль «За боевые заслуги». День Победы он встретил в чине капитана, встретил на марше – в Прибалтике, под Либавой. Вспоминал, что услышали стрельбу и не поняли, что это уже салют.

Армия, которую он узнал в те годы, вдруг соединилась с воспоминаниями детства. Басов видел, как поддерживала и часто спасала дисциплина. Искренне восхищался, как даже в самые страшные дни люди умудрялись обжиться – успевали подшить чистый воротничок и побриться, а кобуру офицеры носили чуть щеголевато – немного сзади. Артиллеристы на войне вообще отличались – «боги войны» любили попижонить: о пистолете говорили – «пистоль», гимнастерки носили без портупей, поверх надевали телогрейку и планшет, а на сапоги крепили шпоры – для шика. Басов восхищался и бывальными солдатами, и кадровыми военными и поэтому, наверное, закончил краткосрочные офицерские курсы.

И после войны еще год продолжал служить в арtpолку. Он был уже в чине капитана и занимал должность довольно значительную, хотя и трудно выговариваемую – заместитель

начальника оперативного отдела 28-й отдельной артиллерийской дивизии прорыва резерва главного командования. По сути дела он, как и отец в свое время, стал профессиональным военным, кадровым офицером и был на хорошем счету у начальства. Ему прочили успешную карьеру в армии, которая стала настоящей академией жизни для него.

Но мечта о кино еще теплилась в нем, и даже во время войны эта мечта становилась явью – как комсорг дивизиона на общественных началах он часто помогал девушкам-киномеханикам из специальной службы «крутить кино». И вот как он вспоминал об этом в своих записях, еще при его жизни опубликованных в журнале «Искусство кино»:

«...Блиндаж в шесть накатов. Великое домосидение, затишье. Из района Сухничей за Калугой мы вышли под Жиздру и Брянск. Немецкие блиндажи почти не переделывали. Только вход прорывали с другой стороны. Они любили отделывать блиндажи березой, создавали уют. Теперь это все досталось нам. С 42-го по июнь 43-го – фронтовые будни. Горластый рыжеогненный петух будил комдива. Вьется дымок из трубы. Точная линия обороны. В этом затишье случались и следующие, связанные с моей будущей профессией, эпизоды. Несколько раз в расположение нашего подразделения приезжала машина-фургон. Ее тут же ставили в укрытие поближе к передовой. Разведчики или пехотинцы в сумерках разворачивали экран почти на нейтральной полосе. Из фургона запускали фильмы. Сначала, для «затравки», какой-нибудь видовой: березы, Волга, поля... Потом еще подобный ролик. Смотрели и с нашей и с той стороны. В вечернем воздухе звуки музыки, речь разносились далеко и отчетливо. Когда аппарат перезаряжали – наступала тишина...

Вдруг на экране возникал Гитлер в сатирическом исполнении Сергея Мартинсона. Наши солдаты громко смеялись, а с той стороны прямо по экрану строчили трассирующими».

В одном из недавно опубликованных его сыном Александром фрагментов дневниковых записей Владимира Басова написано: «У меня нет интригующей истории прихода в кино, какая есть у других или как иные ее придумывают. Конечно, я мог бы говорить моим зрителям все что угодно. Например, такое. Представьте себе пламя войны, окоп, обросшего солдата, лежащего в луже воды, продрогшего, голодного, отчаявшегося. И вдруг солдат замечает в синем небе большую синюю птицу. Она кружит и кружит над ним, и, боже мой, какие у нее глаза! Можно продолжить эту историю, рассказать, что в синем небе, в синеве глаз птицы мне вновь увиделась красота мира и что я дал себе слово после вой ны посвятить этой прелести жизни всего себя. И потому пришел в кино».

Все чаще среди окружавших Басова однополчан слышался один и тот же вопрос: а кем ты был на гражданке и что будешь делать после демобилизации? Кто-то собирался вернуться на свой завод, кто-то мечтал доучиться в брошенном институте. А Басов все чаще и чаще думал о ВГИКе и о своем возвращении в Москву.

И однажды направился к маршалу артиллерии Чистякову (по свидетельству самого Басова, его полк «обслуживал» академию) с разговором по душам. Они говорили долго – и о том, что армии нужны такие дисциплинированные, ответственные, закаленные в боях офицеры, и о том, что каждый человек имеет право на осуществление своей мечты. Да, армия была в те годы для Басова профессией, но вынужденно приобретенной. Наступало другое время – мирное, и к себе звала та мечта, что жила в нем с детства. Басов хотел снимать фильмы, он мечтал стать режиссером. Он чувствовал это предназначение и отстоял свою мечту.

Среди версий этого разговора есть и такая, семейная: Басов, отличный кадровый военный, активный участник художественной самодеятельности – начальник клуба бригады, мечтал создать свой драмтеатр, был представлен к очередному званию и рекомендован к направлению на учебу в военную академию. Басова вызвали к генералу, и тот сообщил ему о новом назначении – его посылали учиться в Москву, чтобы в будущем «стал генералом». Но Басов смело ответил: не хочу быть генералом, хочу быть кинорежиссером. И генерал, знавший о мирных увлечениях подчиненного, – Басов прекрасно рисовал, многие однополчане видели его

рисунки-наброски, сделанные после боя, – поставил Басову условие: «Нарисуешь мой портрет так, чтобы он мне понравился, отпущу тебя во ВГИК». Говорят, что в тот раз Басов так старался «угодить», как, наверное, никогда до этого в жизни. И картина вышла такой, что генерал махнул рукой – твоя взяла, езжай!

Ему разрешили демобилизоваться. От радости все полагавшееся ему выходное армейское пособие Басов потратил на проводы. Гражданское пальто пришлось покупать на проданную на рынке шинель. И в 1946-м, осенью, он вернулся в Москву – возмужавшим, подтянутым, закаленным. Война для Владимира Басова закончилась, но осталась в памяти и в сердце. Его младший сын Александр рассказывал, что отец, слушая, как о войне травил байки друг и коллега Зиновий Гердт, всегда говорил: «Врет все, врёт, не так было».

Из «залитованных» самим Басовым рассказов – о разбомбленном вагоне со сгущенкой, которой весь отряд потом несколько месяцев питался, байки о том, как долго прятались с генералом от немецкого снайпера, а потом оказалось, что все это время принимали за выстрелы звук пастушьего хлыста из соседнего лесочка, и о том, как разгонял стаю птиц, чтобы под обстрел не попали, и о том, как суровой зимой закладывали щели блиндажа трупами немецких солдат...

И возможно, именно потому, что война никогда не уходила из его головы и его сердца, в его фильмах практически не было той войны, которую он видел сам, – нет ни окопов, ни страшной крови и непоправимых потерь, ни шквала пулеметного огня, ни прокуренных, задымленных и промерзших землянок. Он слишком все это помнил, слишком явственно и живо всю свою жизнь...

В сентябре того же года Басов уже сидел за столом в студенческой аудитории ВГИКа. Вопрос, на какой факультет поступать – актерский или режиссерский, решил сам собой – тогдашний курс был набран в объединенную актерско-режиссерскую мастерскую одного из ведущих мастеров отечественного кинематографа Сергея Юткевича, а с 1949 года его эстафету подхватил другой «живой классик» и выдающийся кинорежиссер – Михаил Ромм. В тот год почти все поступившие были такими же, как и Басов, – в поношенных гимнастерках с орденскими планками, нашивками боевых ранений и шевронами армейских званий. Они все были похожи – примерно одних лет, слишком рано повзрослевшие, обветренные военными непогодами и невзгодами, с красноватыми, огрубевшими руками, много курили и жаждали знаний, вбирая их допьяна, с совершенно сумасшедшим энтузиазмом.

Кинорежиссер Владимир Наумов так вспоминал о ВГИКе тех лет: «Все студенты, несмотря на небольшую разницу в возрасте, очень четко делились на две группы – «солдат», тех, кто вернулся с фронта, и нас, недавних школьников, которых называли «штатскими рябчиками». «Солдаты» все ходили в военных гимнастерках и сапогах, а Басов был среди них одним из самых ярких. Офицер, бравый, подтянутый. Всегда ходил, как струнка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.